

ЛЯШЕВ В. А. (г. Сыктывкар)

К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТНОМ РАЙОНИРОВАНИИ КОМИ ЯЗЫКОВ

Настоящую статью можно расценивать как реакцию на высказывание профессора Роберта Аустерлица: «В общем, можно с уверенностью сказать, что различия в коми диалектах очень незначительны. В удмуртском языке они еще меньше. Это представляется разительным контрастом по отношению к другим финно-угорским языкам, в частности, к эстонскому, саамскому, марийскому и обско-угорским» (Austerlitz 1985:100—101).

1. Вопреки аналогичным представлениям, современные коми и коми-пермяцкие языки хорошо известны как своей диалектной раздробленностью, так и глубиной различий между отдельными диалектами (Лыткин 1955а; 1961; Баталова 1975; Кривошекова-Гантман, Ратегова 1980; Hausenberg 1985:215—219; Rédei 1985:221—227). Современная диалектная фонетика —

живая реальность, сохраняющая важнейшее коммуникативное значение в сотнях населенных пунктов Севера Евразии — представляет собой гигантский калейдоскоп отдельных мелких фактов в их противоречивых и труднообозримых пространственных и исторических связях. Главными задачами в коми диалектологии поэтому являются систематизация и обобщение огромного материала.

Сегодня диалектологическая практика сталкивается с необходимостью детального изучения говоров в рамках диалекта и проведения приемлемой типизации. Например, коми-зырянское Верхневычегодье по употреблению *л-в* характеризуется наличием четырех типов говоров; лузско-летский диалект — двумя; южнопермяцкие диалектные особенности образуют множество локальных типов по указанному признаку (Баталова 1982). Неоднородность, наличие переходных типов отмечены в монографиях по вымскому, удорскому, присыктывкарскому, печорскому и другим диалектам. Наши знания пополняются также изучением комиязычных территорий более позднего заселения. Дисперсный характер расселения ижемцев-оленоводо обусловил своеобразие языкового континуума в тундровой полосе Евразии; говоры ижемского диалекта от Кольского полуострова до Среднеобья характеризуются каждый самобытной отраслевой лексикой, фонетико-просодическими отличиями друг от друга, некоторыми грамматическими отклонениями от собственно ижемского — ядерного — говора. В языке кольских коми, например, в ограниченной частотности употребляются дистинктивные различители нуль-элового типа — грамматические формативы *-лы* и *-ыс'öдз* (оформители падежей прямого объекта и эгрессива). Показателем аппроксиматива вместо *-лань* является *-лас* (*-лаз*): керкалас дорэ «к дому» (Сахарова, Сельков 1960:130—151). По характеру фонетической реализации *э—ö* в непервом слоге наблюдается различие от ижемской, где, как известно, в непервом слоге не употребляется *ö*. В речи кольских коми фонема *э* часто реализуется в звуке, близком к *ö*. Тенденция к *ö*-овой реализации обнаруживается особенно в позиции после непалатальных согласных, что подтверждалось при лабораторном сегментировании звуков непервого слога¹. Интересно, что тенденция к большой частотности *ö* исследователями отмечена в ряде корневых слогов: *лöt'* (лэч «силок»), *лöбоола* (лэбавла «слетаю, полетаю»), *шöбрас* (шэбрас «одеяло, накидка, покрывало»), *с'örtи* (с'эрт'и «по сравнению...») и др. (Сахарова, Сельков 1960: 137—138). Свообразие кольской фонологической² системы обнаруживается и в употреблении аффрикат *ч*, *дж*, *дз*; можно иллюстрировать множество приме-

ров с более сильной, чем в собств. ижемском говоре, степенью смягчения, что ставит вопрос о рассмотрении в примерах типа лёт' — лэч статуса фонемы. Кольская лексика значительно обогатилась инстративом саамского компонента.

Таким образом, кольский говор сс. Ловозеро, Краснощелье, Каневка обслуживает некоторую автономную в языковом отношении территорию и противопоставляется первичному говору.

На ниже- и среднеобской территории (Зауралье) местный говор выделяется морфологическими особенностями; случаи употребления дативного -лы в значении аккузатива встречаются неравномерно: частотность убывает южнее; например, на Сосьве это — весьма редкое явление, встречается только в фольклорных произведениях. Форма эгрессива -ыс'эдз в зауральском говоре также уступает в частотности собственно ижемскому говору. Исследователями отмечены отличия и в словообразовательных моделях (Жилина, Колегова 1960:152—170). В лексике большой процент занимает угорский компонент, меньше — самодийский. В своей южной части зауральский говор выработал переходную зону, где происходит процесс затухания ряда дистинктивных черт. На средней Оби (Ханты-Мансийский автономный округ) находится северная граница условно называемого нами южносибирского коми говора, который также требует детального лингвогеографического изучения. На сегодняшний день приходится сожалеть о слабой информированности о сибирских коми говорах.

Предстоит определить статус нижнепечорского, в частности тиманоканинского говора; является ли он переходной зоной от собственно ижемского к кольскому или же содержит достаточное количество разноуровневых особенностей, противопоставляемых другим говорам? Отраслевая лексика с многочисленными самодийскими элементами, некоторые фонетико-просодические отличия предварительно позволяют выделить его.

В результате изучения лингвистического ландшафта коми языков не снимаются вопросы диалектного районирования и поиска адекватных ареальных единиц описания. Первые опыты картографирования и картоведения (Баталова 1982) в коми языках показали новые способы обращения с фактическим материалом, возможности унифицированного описания через одни и те же предельные компоненты.

2. В последние десятилетия заметно усилился интерес лингвистов как в СССР, так и за рубежом к структурно-типологическим исследованиям, базирующимся в свою очередь на синхронном аспекте изучения языка. Структурно-типологические работы, как показал опыт, внесли свой вклад в типологию раз-

вивающихся языковых систем и в теорию динамических моделей языковых изменений³.

На материале коми языков представляется возможным рассмотреть синхронные и диахронические процессы вокалических и консонантных систем в рамках единой диасистемы. Проф. В. И. Лыткин (1964) вскрыл тенденции исторических трансформаций, выразившихся в упрощении системы гласных, фонологическая сущность которых заключалась в постепенном уменьшении различительной способности. Поскольку характер современных процессов, происходящих в диалектах, непосредственно связан с типологией исходных вокалических и консонантных систем, к ряду важнейших черт для рассмотрения мы относим: 1) модификацию л-в — долгий (полудолгий — нуль звука) гласный (ø); 2) наличие среднерядных лабиальных гласных типа вишерского и язвинского. Как известно, результат исторической модификации заметен на нынешней широкой территории, во времени отсчет ведется на несколько столетий вглубь. Мы предполагаем глубокую взаимосвязь указанных явлений и обусловленность л-в — ø наличием в древних диалектах множества лабиальных (по Лыткину — не менее шести (Основы 1976:132). Превалирующая лабиальная огласовка в слогах могла дать начало лабиализации, а затем и вокализации л-в — ø. Это вероятностное направление в развитии звукового строя было связано с возникновением территориально-диалектных различий. При районировании территорий мы здесь не можем обойтись без крупных ареальных образований и предварительно выделяем 5 диалектных зон. В проявлении тенденции к модификации л особое место нами отводится южнопермяцким — иньвенским и нердвинскому — говорам (южная диалектная зона) и язвинскому диалекту с цепью вычегодских говоров с лабиальными (восточная зона). Южной зоне характерны наибольшие языковые переживания, здесь развились новые ступени вокализации, что сильно затронуло также и систему грамматических категорий (например, явление синтеза послелога со знаменательным словом привело к увеличению количества падежей). В динамике фонетико-фонологической и (морфологической) перестройки, охватившей по времени несколько столетий, южная и восточная зоны могли явиться исходной территорией иррадиации структурно-типологических инноваций.

В сложном процессе диалектообразования динамичностью языкового развития, по всей вероятности, характеризовались выделяемые нами северозападная в—л-овая (к удорскому и нижневычегодскому диалектам примыкает также присыктывкарский) и северная нуль-эловая диалектная зона с вымски-

ми и ижемскими говорами. Указанные зоны являются географически полярными областями для южной и восточной, но отнюдь не закрытыми друг для друга.

В середине этой территории располагается центральная диалектная зона, включающая сысольский, лузско-летский бассейны, Верхокамье. В этой зоне отмечается сохранность этимологического л.

Предложенное районирование носит предварительный характер и служит вероятной возможностью моделировать некоторые процессы языковых изменений и понять динамику развития. Допускается, что диалектная дифференциация происходила и в условиях обратных воздействий с севера и северо-запада, например, пестроту говоров и подговоров по Иньве можно объяснить также позднейшими наслоениями, как и в Верхневычегодье (Бараксанов 1972). В предполагаемой модели, таким образом, имели место как дивергентные, так и конвергентные языковые процессы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Такие попытки нами предпринимались в фонетической лаборатории Удмуртского госуниверситета в 1983—1984 гг. под руководством А. М. Акмарова и М. Я. Амбурцева. Воспользуясь случаем, хочу поблагодарить старших коллег за оказанную помощь, исключительную доброжелательность к нашим работам.

² Фонема принимается автором статьи в понимании Л. В. Щербы.

³ Об этом определенно высказывается Р. Аустерлиц: «Различия диалектов, похоже, образуют географические континуумы, а именно переплетающиеся цепи диалектных районов с ярко выраженными созвездиями на Печоре и севернопермских районах. Точная природа этих цепей заслуживает того, чтобы изучить их детально, т. к. очень важно для проблемы, которая нас интересует» (Austerlitz 1985 : 101).